

КИЕВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Т.Г.ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

ПАЗІК Михайл Михайлович

УДК 398.2

УКРАИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

/Проблемы генезиса, семантики и жанрово-поэтической
структуры/

Специальность 10.01.09 – фольклористика

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Киев - 1991

ЛНБ ім. В. Стефаніка

00191767 (V)

АВ 25.356

Диссертация подготовлена в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф.Рыльского АН УССР

398

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор

Б.П. КИРДАН

доктор филологических наук

А.С. ФЕДОСИК

доктор филологических наук

Н.С. ШУМАДА

Ведущая организация - Киевский государственный педагогический институт им. А.М.Горького

Защита состоится "27" *сентября* 1991 г. на заседании специализированного совета Д 0681821 по защите докторских диссертаций по теории литературы и фольклористике при Киевском ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции государственном университете им. Т.Г.Шевченко в конференц-зале по адресу: 252017, Киев-17, бульвар Шевченко, 14.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко /ул. Владимирская, 58/.

Автореферат разослан "10" *августа* 1991 г.

Ученый секретарь

специализированного совета
кандидат филологических наук

Л. Ф. ДУНАЕВСКАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Важнейшей предпосылкой успешного изучения исследуемого предмета является прежде всего осмысление его внутренней природы, осознание его подлинной сущности в сопоставлении с сопредельными и сродными предметами и явлениями, поскольку только подобный подход может способствовать воссозданию истинной картины исторического развития данного предмета во всех сложностях его связей и взаимодействий, обеспечить глубину и надежность, подлинно научную ценность выводов. Поэтому естественно в области фольклористики первейшим и наиболее неотложным является глубокое научное изучение специфики народного творчества - прежде всего в его наиболее устоявшихся, исторически сформированных, ярких и относительно самостоятельных жанровых образованиях.

Видное место в украинском фольклоре занимают, к сожалению, недостаточно изученные пословицы и поговорки, неотделимые от жизни народа. Они в значительной мере и отражают, и формируют его мировоззрение, моральные и этические нормы, воспитывают на традициях прошлого новые поколения, прививают им понятия добра, честности, справедливости, высоких нравственных идеалов, обогащают устную речь, художественную литературу, искусство. С древних времен паремия является непреходящей сокровищницей знаний, неписанным дидактическим и нравственным кодексом, итогом трудового опыта многих поколений, синтезом общечеловеческих и культурно-исторических истин.

Исследование паремийного фонда имеет важное научно-теоретическое и практическое значение. Пословицы и поговорки способствуют более глубокому уяснению общетеоретических проблем народного творчества, освещению закономерностей развития паремий в системе жанров фольклора, раскрытию их взаимосвязи с паремиями других народов, исследованию внутренней структуры, особенностей поэтического мышления народа.

Цели и задачи исследования. Национальный фонд украинских паремий богат как по количеству пословичных гнезд, так и по числу вариантов. Однако этот пласт народного творчества собран и изучен еще недостаточно. В украинской фольклористике не было научных изданий паремий, охватывающих все богатство и разнообразие

разие народных афористических изречений. До сего времени не выработаны четкие принципы их классификации применительно к украинскому материалу, недостаточно изучены семантика пословиц, их распределение в зависимости от опорно-стержневых слов, поэтика, стилистика, взаимосвязи с паремиями других народов, формы трансформации их в художественном контексте.

Целью диссертации является фундаментальное исследование всего пословичного фонда украинского народа. Основное внимание уделяется истории развития паремий, характеристике семантических уровней, жанровых разновидностей, особенностей поэтики и стилистики, а также вопросам взаимосвязей с аналогичными жанрами других славянских народов.

Исследуемые проблемы должны существенно восполнить пробел в изучении украинского народного творчества, связывая его с общеславянской фольклористической наукой. Рассмотрение паремийного репертуара дает возможность глубже уяснить многообразные аспекты, касающиеся лингвистики, литературоведения, философии, эстетики и дидактики. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке теоретических и исторических трудов по народоведению, в частности по фольклористике и фольклорно-литературным связям.

Практические выводы и рекомендации диссертации могут быть применены при подготовке новых изданий украинских пословиц и поговорок, систематизации и рубрикации материала, научного комментирования. Исследование паремий с определением параллелей в репертуарах других славянских народов дает материал для сравнительного изучения, а также создания международных классификаций. Теоретический материал, примеры могут быть использованы при написании полной, целостной истории украинской фольклористики, при чтении курсов по украинскому народному творчеству и взаимосвязям славянских культур.

Научная новизна работы. Принципы исследования. Впервые украинский паремийный материал исследуется в контексте развития всей славянской паремиологии и паремиографии. Одновременно выясняется и то особенное, специфическое, что характерно именно для украинских паремий. Являясь первым фундаментальным исследованием, подготовленным на материале обширного украинского пос-

ловичного репертуара, диссертация представляет возможность сделать ряд существенных выводов о характере бытования, развития паремий, своеобразии, о взаимосвязях с паремиями других народов. В научный обиход вводится значительный сопоставительный материал.

Автором диссертации подготовлено и издано трехтомное собрание пословиц и поговорок – наиболее полное в современной украинской фольклористике, насчитывающее более 50 000 единиц /кроме вариантов/. Изучению пословичного фонда посвящены монография и научные статьи. В них впервые в украинской фольклористике дан обстоятельный анализ всего украинского пословичного материала, раскрыта связь с теми устоями бытовой и общественной жизни, в которых они возникали, прослежены эволюция паремий, изменения в их форме и содержании, расширение семантических полей и возникновение переносных значений, обоснованы принципы классификации материала по опорно-стержневым словам, проанализированы поэтические свойства – образность, контрастность, формульность, ритмомелодика, трансформация в текстах художественных произведений.

Проблематика диссертации и трехтомного собрания паремий требовала привлечения к анализу многих паремнографических и паремнологических источников – печатных изданий пословиц, вышедших в дореволюционное и советское время на Украине и в других странах, где проживает украинское население – Польше, Чехо-Словакии, Румынии, Канаде, США, сборников, календарей, публикаций в периодических изданиях, собраний пословиц других народов – русских, белорусских, польских, чешских, болгарских, сербских, рукописных фондов и картотек Института искусствоведения, фольклора и этнографии им.М.Ф.Рыльского АН УССР, Института литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР, областных архивов, полевых записей фольклорных экспедиций, картотеки пословиц, собранных диссертантом, и др.

При разработке общих теоретических вопросов учитывались работы А.А.Потебни – о семантике пословиц, символике народной поэзии; А.Н.Веселовского – об исторической поэтике народного творчества, песенном параллелизме; труды советских ученых, касающиеся общих теоретических проблем народного творчества, – Ю.М.Соколова, В.Я.Проша, В.Е.Гусева, К.В.Чистого, В.М.Гацака

- и конкретных вопросов паремологии: истории развития паремийного творчества, исследований жанрово-тематического состава, принципов классификации, поэтики - В.П. Адриановой-Перетц, М.А. Рыбниковой, В.П. Аникина, Б.П. Кирдана, Ф.М. Селиванова, Б.Н. Путилова, Ю.Г. Круглова, А.М. Жигулева, Л.Н. Пушкарева, С.Г. Лазутина; структурного анализа - Г.Л. Пермякова, Э. Кокаре, К. Григаса, А. Крикманна, Б. Тилавова; библиографии - М.Я. Мельц, А.М. Бушуя; украинского паремийного материала - П.М. Попова, А.И. Дея, И.П. Березовского, Н.С. Шумады, В.Г. Бойко, Р.Ф. Кирчива; белорусского - М.Я. Грынבלата, А.С. Федосика, К.П. Кабашникова, Н.А. Янковского, а также работы зарубежных паремологов и паремиографов - Ю. Кржижановского, С. Свирко, А. Меллихерчика, М. Арнаудова, Т. Чубелича, Э. Каньо, В. Фойта, М. Кууси, А. Тейлора, Н. Барли и др. Привлекались также разработки лингвистов-фразеологов - В.П. Архангельского, В.В. Виноградова, С.Г. Гаврина, В.П. Жукова, В.М. Мокиенко, Л.Г. Скрипник, Ф.М. Анковского, В.М. Русанивского, С.Я. Ермоленко, Ф.Ф. Медведева, Г.М. Удовиченко, А.С. Юрченко и др.

В диссертации сочетаются индуктивный и дедуктивный методы исследования: рассматриваются конкретные единицы пословиц и их варианты, объединенные в тематические гнезда, ряды, циклы, подгруппы, группы и разделы, в свою очередь общие теоретические положения при исследовании паремийного фонда, поэтики паремий подкрепляются примерами пословичных изречений, приводятся параллели из других славянских паремийных репертуаров.

Апробация полученных результатов и практическое значение работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в монографии "Украинские пословицы и поговорки. Проблемы паремологии и паремииграфии" /Киев: Наукова думка, 1984. - 12,6 печ. л./, получившей положительные отзывы в отечественной и зарубежной печати; в предисловиях и научных комментариях в трехтомном собрании украинских пословиц. Кроме того, по проблематике диссертации опубликовано более 20-ти журнальных статей и рецензий, общим объемом около 20 печ.л.

Наблюдения и выводы монографии, статей, пословичный репертуар сборников /более 100 печ.л./ используются фольклористами и литераторами в научных трудах, образцы паремий служат материалом для издания новых пословичных сборников, привлекаются пре-

подавателями при чтении лекций по украинскому фольклору и ведении спецкурсов по фольклорно-литературным взаимосвязям.

Поставленные в диссертации проблемы определили следующую структуру работы: введение, три раздела, заключение, список использованной литературы.

Во введении обоснована актуальность темы, определена степень ее разработанности в отечественной и зарубежной паремии или, поставлены задачи и цели исследования, сформулированы основные проблемы, вынесенные на защиту.

В первом разделе "Вопросы теории и методологии: генезис, научные принципы собирания, классификации и исследования паремий" освещаются вопросы происхождения и развития паремийного творчества, его собирания и систематизации, дается характеристика разных систем классификации в паремииологии - алфавитной /словарной / тематической, опорно-стержневой, типологической, монографической и др. В разделе прослеживаются также вопросы зарождения и развития науки о пословицах от первых высказываний до фундаментальных трудов в отечественной и зарубежной паремииологии.

Во втором разделе "Анализ семантики паремий по опорно-стержневым словам" в аналитическом плане осмыслены процессы образования украинского паремийного фонда, претерпевшего в своем развитии многие изменения и дополнявшегося постоянно новыми образцами. В диахроническом и синхроническом срезах рассматриваются также первичные и вторичные значения пословиц, их образование и переход в другие тематические группы. Анализ конкретных пословичных гнезд, сцементированных опорными словами, позволяет сделать определенные выводы о формировании народных взглядов на жизнь, этические и нравственные отношения, эстетические вкусы.

Третий раздел "Вопросы жанрово-стилистических особенностей паремий. Композиция, образность, контрастность, рифмо-ритмическая структура" посвящен исследованию эволюции формы пословиц, образности, ассоциативных связей, символики, контрастности, формульности и ритмомелодики.

В заключении подведены итоги исследования и определены задачи дальнейшего изучения паремий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Паремии зарождались в далекой древности и сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Они включали наблюдения о человеке и обществе, окружающей действительности, конденсировали трудовой опыт, надежды многих поколений. Проблема исследования происхождения пословиц является наиболее сложной в паремиологии. Соискателем определены два ее уровня: 1/ появление отдельных паремийных изречений в языке народа; 2/ возникновение пословиц как жанра. Такое разделение обусловлено тем, что пословицы формы овались на протяжении многих веков и в разных условиях. Их появление связано с познанием окружающей действительности, с трудом человека, его стремлением закрепить трудовые навыки, наблюдения над природой и ее явлениями.

В процессе эволюции человек постоянно соприкасался с благо-склонными и враждебными силами природы. На определенной стадии развития они осваивались путем одухотворения. Это свойство нашло отражение в разных видах словесного искусства, в том числе и в паремиях. Стремление передать жизненный и трудовой опыт в самых лапидарных формах, легких для запоминания, и способствовало возникновению пословиц. Первые образцы могли иметь форму притч, метких выражений, двустиший.

Формирование жанра паремий — многовековой процесс. Народные изречения, как и язык, сопровождают человека многие века, переходят от поколения к поколению, поддерживает устой народной жизни, определяют нравственный и духовный облик народа.

В диссертации прослеживается история развития жанра: в нем одни образцы отмирали, другие возникали, происходило непрерывное шлифование формы, менялись значения. Важный источник пополнения пословиц составляли своеобразные этические правила, облеченные в форму афористических выражений. При отсутствии письменности устное их запоминание являлось единственной возможностью передачи последующим поколениям.

Народная мудрость, воплощенная в пословицах, была свойственна древним культурам многих народов мира. Восточные народы называли паремии языком мудрецов. Античному миру уже были известны сборники паремий, составленные философами.

Содержащиеся в них пословицы позже влились в языки многих народов, возникших на почве античности. В эпоху средневековья пословичные изречения объединялись в своды, наиболее известным среди которых была "Adagia" Эразма Роттердамского, выдержавшая много изданий.

На славянской почве паремии зародились также задолго до появления письменности, возможно еще в эпоху праславянской или даже индоевропейской общности. В Древней Руси пословицы и поговорки уже вводились как художественные элементы в канву письменных произведений, употреблялись не только в прямом, но и в переносном значении, что свидетельствует о высокой степени их развития.

Сформировавшаяся в Киевской Руси традиция использования паремий в письменных памятниках перешла в культуры трех восточнославянских народностей - русскую, украинскую и белорусскую. Почти во всех памятниках XIV - XVII вв. встречаются пословицы, поговорки, крылатые выражения. Их проникновение в восточнославянские словари и сборники можно считать как бы прообразом в собирательской и издательской деятельности в области паремиологии. Так, паремии вводятся в общеязычные украинские словари: "Лексис" Лаврентия Зизания, "Синониму словеноросскую" неизвестного автора, "Лексикон словеноросский" Памва Беринды. Со II-й пол. XVII в. дошли коллекции и сборники русских паремий, часть которых была напечатана в книге П.Симони "Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок", остальные - в сборнике "Пословицы, поговорки и загадки в рукописных сборниках XVII - XX веков". К тому же времени принадлежат первый сборник украинских паремий "Приповідки посполитые" Климентия Зиновиева и рукописная коллекция И. Ушивского.

В диссертации проведен сопоставительный анализ известных восточнославянских сборников пословиц, подчеркнут их общественный резонанс и общность активизации интереса к этому жанру всеми славянскими народами /так появились чешские сборники пословичных изречений Я.Срнце, Яна -Амоса Коменского, польские - Соломона Рисинского, Гжегожа Кнапского и др./.

Проблема научной классификации паремий для первых составителей еще не возникла. Традиционно они составлялись по алфавиту. Так сгруппированы пословицы в русских сборниках бывшей Петровской галереи, В.Н.Татищева, А.И.Богданова, Д.М.Княжевича,

Н.М.Снегирева, украинских - Климента Зиновиева, В.Смирницкого, Г.Илькевича, А.Шшацкого-Ильича, Н.Закревского и др. Необходимость издания большого количества паремийного материала, начало его научного осмысления вынуждали собирателей искать новые, более совершенные способы классификации. Во второй половине XIX века появляются фундаментальные сборники пословиц Ф.-Л.Челаковского "Mudrosloví národu slovenského ve příslovích"/1852/, В.И. Дала "Пословицы русского народа" /1862/, М.Номмиса "Українські приказки, прислів'я і таке інше" /1864/, составленные по тематическому принципу. В диссертации рассмотрены преимущества тематической классификации над алфавитным расположением материала, поскольку она давала целостную картину быта, жизненных отношений, обычаев народа, его взглядов на разные стороны жизни.

Диссертантом проанализированы малоизвестные публикации паремийного материала в периодике - журнале "Основа", "Черниговских...", "Полтавских...", "Киевских губернских ведомостях", "Черниговском листке", рассмотрены коллекции пословиц П.Ефименко, Г.Кулжинского, Е.Бышброва, И.Танского, В.Пероговского, Н.Данильченко, И.Трусевича, В.Вилоцкого, И.Манжуры, сборники П.Чубинского, М.Комарова и др.

Вторая половина XIX и начало XX века - период не только интенсивного собирания паремийного творчества, но и дальнейших поисков новых способов систематизации материала. Наряду с тематической, получает широкое распространение новая опорно-стержневая система, впервые примененная К.Вандером в его многотомном издании немецких пословиц и нашедшая практическое воплощение в паремийных сводах других народов. По методу Вандера в польской фольклористике составили сборники пословиц С.Адальберг, Ф.Бжозовский, О.Кольберг, в Словакии была издана книга А.Затурецкого, в Белоруссии подготовлено издание М.Федоровского. На Украине по этому принципу первым систематизировал пословицы И.Франко в шеститомном издании "Галицько-руські народні приповідки" /1901 - 1910/, позже по этому методу были составлены сборники украинских пословиц в Чехо - Словакии, Канаде. Издание пословиц И.Франко - наиболее фундаментальная работа как по количеству помещенного материала /более 30 000 единиц, кроме вариантов/, так и по уровню его научного комментирования. В этом своде, являющемся итогом работы не только составителя, но и многих его предшест-

венников, использованы почти все известные франко-печатные и рукописные источники, а также его многолетние собственные записи.

Диссертант обосновал преимущества опорно-стержневого метода перед тематическим и алфавитным /он позволяет четко классифицировать большие национальные массивы паремий, удобен в практическом пользовании, но в то же время имеет и недостатки, поскольку алфавитное деление пословиц по стержневым словам разрушает семантическую целостность близких по тематике разряды пословиц/.

В конце XIX и начале XX вв. в восточнославянской паремологии появляются работы, в которых на основе тематических групп пословиц характеризуется практический народный опыт /"Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках" И.Ильстрова /1904-1915/; "Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах" А.Ермолова /1901-1905//, выходят в свет сборники пословиц с объяснением их этимологии /"Крылатые слова" М. Максимова, 1890; "Опыт русской фразеологии" Н.Михельсона, 1903 и др./.

Почти все советские издания пословиц и поговорок 30-х - 50-х годов /русские - М.Рибниковой, М.Булатова, А.Разумова, А.Соболева; украинские - издания 1955, 1961 гг. под редакцией М.Рыльского, сборник 1963 г., составленный В.Бобковой, И.Багмутом и А.Багмут; белорусские - П.Охрименко и М.Буцко, Ф.Янковского, Б.Рапановича и др./ предназначены для широкого круга читателей и построены по тематическому или историко-тематическому принципу. Тематическое группирование паремий в них имеет ряд достоинств: оно дает возможность составить определенное мнение о той или иной стороне жизни народа, его взглядах на труд, семейную жизнь, на моральные принципы, общественные отношения. Но так как многие паремийные образцы полисемантичны, а группировка их по тематическим рубрикам вынуждает относить их к какому-то одному разделу, другие их значения остаются вне внимания. Кроме того, отсутствие единого, четко выделенного признака, по которому можно было бы легко отыскать нужное изречение, затрудняет практическое пользование материалами, что признают и сами составители сборников. Поэтому делаются попытки усовершенствования тематической классификации: в пределах каждого раздела или подраздела

выделяются тематические макрогнезда, собирающие в одно место все варианты и синонимы, в других изданиях материал в каждом разделе помещается в алфавитном порядке.

В последнее десятилетие фольклористы снова обратили внимание на классификацию материала по опорно-стержневым словам, но предложили не размещать словарные ряды с их ядрами в алфавитном порядке, как это делалось в классических изданиях, а группировать в тематические циклы, разделы, стремясь не разрывать семантически родственные типы пословиц. Так, в частности, систематизированы сборники русских паремий А.Жигулева /1969, 1986/, опорные слова прослеживаются в тематической классификации двухтомного собрания белорусских пословиц, составленного М.Я.Грынолатом /1976/, украинского издания /1984/ и др. Новые способы размещения материала предлагают в своих изданиях пословиц М.Ф.Селиванов /1988/, Ю.Крутлов /1990/.

Предпринимались попытки создания структурных систем классификации. Г.Л.Пермяков сгруппировал в своем сборнике восточные пословицы по семиотическому принципу. Составители паремийных сборников прибалтийских народов используют типологическую классификацию пословичного репертуара. Свои принципы систематизации паремий применяют паремиеграфы кавказских и среднеазиатских народов.

В использовании принципов классификации пластов паремий прослеживается тенденция учета традиций предшественников - выдающихся деятелей культуры прошлого. В восточнославянской фольклористике заметно влияние фундаментальных сборников В.Далл, М.Номиса, И.Франко, И.Носовича, в польской - традиции О.Кольберга, С.Адальберга, в чешской - Ф.-Л.Челаковского, в болгарской - П.Славейкова, в сербской - Вука Караджича и др.

При систематизации украинского паремийного репертуара автором диссертации был разработан комбинированный принцип, использовавший традиционное деление пословиц на разделы и группы, но внутри разделов применена опорно-стержневая классификация: в зависимости от опорного слова пословичный материал группируется в ряды /гнезда вариантов даются в одном месте/, ряды - в циклы /контрастные ряды, как правило, помещаются попарно/, циклы объединяются в подгруппы и в группы. Этому принципу придержи-

живался составитель при подготовке научного трехтомного издания украинских пословиц и поговорок /1989-1991 гг./

В работе впервые в украинской фольклористике освещена история развития восточнославянской, в частности украинской, паремииологии. Диссертант считает, что паремииология, входя составной частью в паремииографию, в первой половине XIX в. начала выделяться в самостоятельную отрасль, хотя и до сего времени обе науки тесно взаимодействуют между собой. Зачастую паремииографы, издавая сборники, стремятся объяснить принципы систематизации материала, раскрывают семантику изречений, особенности поэтики, их функционирования и т.п. Вступительные статьи сопровождают почти все классические сборники пословиц - И.Снегирева, В.Далля; В.Смирняцкого, Т.Илькевича, А.Лышачко-Ильича, Н.Закревского, М.Номиса, П.Чубинского, И.Франко; И.Носовича, Е.Романова и др. Паремииология развивается также путем рецензирования вышедших в свет пословицных изданий. Авторы рецензий считают своей обязанностью не только оценивать выпущенные книги, но и объяснять значение некоторых сложных пословиц, указывать на пропуски, приводят параллели из других языков, освещая таким образом разные вопросы паремийной науки.

Первым фундаментальным трудом по паремииологии можно считать работу И.Снегирева "Русские в своих пословицах" /1831-1834/, затрагивающую ряд вопросов исторической и теоретической паремииологии. Большая роль в развитии пословицеведения в дореволюционное время принадлежит В.И.Далю. Его "Напутное" слово к сборнику "Пословиц русского народа" поднимает множество вопросов содержания и формы пословиц, их функционирования, поэтики, жанровых особенностей.

На Украине во второй половине XIX века появляются монографические исследования /Н.Сумцова "Опыт исторического изучения малороссийских пословиц", 1886; И.Тимошенко "Византийские пословицы и славянские параллели к ним", 1895, "Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок", 1897; В.Перетца "Из истории пословицы", 1898/. Символика, семантика, внутреннее значение пословиц рассматриваются в трудах А.Потебни, их этимология - в научных комментариях к изданию пословиц И.Франко.

В теоретических работах по паремииологии дооктябрьского вре-

мени освещены некоторые вопросы происхождения пословиц, их бытования, раскрываются прямые и переносные значения, заимствования из других паремийных репертуаров. Ученые высказывают разные взгляды на происхождение и эволюцию паремий в зависимости от принадлежности данного исследования к определенной школе в науке. В целом, дореволюционная паремиология поставила и подошла к решению ряда проблем происхождения и развития пословиц и поговорок, положила начало исследованию их семантики и поэтики, сравнительных аспектов, типологической общности. Все эти направления нашли дальнейшее развитие в работах фольклористов последующих поколений.

Преобладающее большинство работ послереволюционного периода посвящено идейно-тематической характеристике пословиц и поговорок. Речь идет об учебниках по народному творчеству, вступительных статьях к сборникам, рецензиях.

В паремийных следованиях В.П. Аникина, В.П. Адриановой-Перетц, Л.Н. Пушкарева, Б.П. Кирдана, А.М. Бигулева, Н.С. Шумады, И.Л. Березовского, В.Г. Войко, М.Я. Гринבלата поднимаются вопросы происхождения пословиц, их связи с древней мифологией и историей, их бытования в определенные исторические периоды, дается идейно-тематическая характеристика паремий. В работах С.Г. Лазутина, М.А. Янковского, А. Крикманна освещаются семантика и поэтика пословиц. Г.Л. Пермяков, Матти Кууси подвергли анализу структуру паремий, В.М. Мокиенко, С.Г. Гаврин, Ф.М. Янковский, Л.Г. Скрипник, Ф.Ф. Медведев, А.С. Юрченко посвятили свои труды вопросам фразеологии.

В диссертационной работе сконцентрировано внимание на следующих вопросах: а/ исследование генезиса паремий; б/ раскрытие идейно-тематического содержания и семантики украинских пословиц, сгруппированных в словарные статьи по опорным словам; в/ изучение эволюции формы и содержания, трансформаций значений; г/ атрибуция жанра паремий и его разновидностей — собственно пословиц, поговорок, сравнений, примет, пожеланий, приветствий, формул невозможного, каламбуров; д/ исследование поэтики /образности, символики, ассоциативных связей, формульности, контрастности, ритмо-мелодики/; е/ определение интернациональных параллелей; ж/ изучение лингвистических аспектов — вариантности, синонимии, син-

таксического строения; 3/ трансформация пословиц в контексте произведений художественной литературы.

Пословицы и поговорки исследуются в нескольких аспектах. Как следствие отражения разных жизненных укладов, паремии рассматриваются на фоне явлений, в которых они возникли и функционировали в труде, быту, семье, отношениях между людьми. На протяжении своего развития они меняли первоначальный смысл, расширяли или видоизменяли значение. Вследствие этого происходило перераспределение сфер их функционирования. Пословицы, изначально характеризующие только явления природы, растительный и животный мир, предметы быта, стали применяться для характеристики человека, черт его характера, отношений с другими людьми.

Исследование пословичного фонда в диссертации начинается с наиболее древних его пластов - о природе и ее явлениях, растительном и животном мире, о жизни и быте человека. В ней рассматриваются наиболее разветвленные ряды пословиц о природе, сгруппированные вокруг опорно-стержневых слов земля - 33 пословичных типа, кроме вариантов, совокупность которых составляет тип или гнездо /далее сокращенно подается только цифра, указывающая количество типов в пословичном ряду/, гора - 19, поле - 11, вода - 73, река - 10, море - 20, солнце - 24, луна /"месяц"/ - 8, звезды - 3, огонь - 48, дым - 14, искра - 8, погода - 15, гром - 14, гроза /"буря"/ - 4, ветер - 32, дождь - 30, туча /"жара"/ - 5, мороз - 16, снег - 8 и др.

Природа в древних паремиях представлялась одухотворенной. В отдельных изречениях чувствуются отголоски древних верований /обожествление солнца, месяца, звезд, матери-земли, персонификация дождя, мороза, ветра, грома и т.д./. Дошедшие до нас образцы мало отражают эту первобытную семантику, поскольку на протяжении многих веков взгляды на явления природы менялись, что приводило к изменению и наполнению пословиц новым содержанием.

Большинство изречений этих циклов трактуются в современном бытовании как практические советы о приспособлении явлений природы к хозяйственным нуждам. Некоторые пословицы о явлениях природы получали новый символический смысл, достигли высокой степени обобщающей стремлений и надежд общественно-политического характера /"Колься я на нас сонечко глина", русск. - "Взой-

дет солнышко и над нашими воротами", белорусск. - "Загляне сонца і ў наша ваконца"/. Заря выступала предвестницей новой жизни, гром символизировал внезапные изменения в обществе, под весной, утром подразумевалось детство, молодость, под осенью, вечером - старость.

Пословицы и поговорки о растительном мире сгруппированы в ряды и циклы с опорными словами названий сельскохозяйственных злаков - гречи́ха /"гречка"/ - 16, рожь /"жито"/ - 17, кукуруза - 7, овес - 6, пшеница - 6, просо - 6, горох - 6; цветы - 16, ягоды - 6, груша - 7, яблоня - 8, дерево - 35, береза - 13, верба - 10, дуб - 14, доска - 3, осина /"осика"/ - 3, "терен" - 3, корень - 4, листья - 2, гриб - 14 и др.

Из животного мира выделяются ряды пословиц с опорными словами, обозначающими домашних животных: баран - 8, овца - 25, бык - 24, вол - 55, корова - 43, теленоч - 18, конь - 109, кобыла - 36, коза - 44, козел /"цап"/ - 13, осел - 10, свинья - 91, кот - 5, мышь - 15, собака - 184; диких зверей: медведь - 27, волк - 147, заяц - 128, лев - 7, лисица - 51; домашних птиц: гусь - 6, курица - 49, петух - 10, индюк - 2; диких: ворона - 49, ворон /"крик"/ - 7, воробей - 18, журавль - 5, кукушка /"зозуля"/ - 7, кулик - 11, ласточка - 5, орел - 11, сова - 20, соловей - 16, сорока - 24, ястреб - 6; насекомых: пчела - 25, муха - 18, оса - 3 и т.д.

В диссертации прослежено, как пословицы о растительном и животном мире, имевшие когда-то прямые значения, в процессе своего развития наполнялись новой семантикой, расширяющей смысловые горизонты. Древние их образцы отражали отношения человека к миру животных и растений. Считалось, что природа понимает человека, сочувствует ему и сам он растворялся в той же природе. Этот пантеистический взгляд нашел отражение в балладах, легендах, заклинаниях, суеверных приметах, пословицах. Однако большинство из дошедших до нас паремий отражает реальный взгляд трудящегося человека, стремящегося подчинить природу своему влиянию и в свою пользу. Со временем отдельные свойства мира растений и животных в паремиях начали применяться для характеристики человека, времени его жизни /дерево, например, символизировало жизнь человека: молодое дерево - его молодость, старое - старость, ле-

жачее дерево - его немощность и т.д./ . Символом человека-труженика становился вол; его помощника и спутника олицетворял конь; беззащитность - ягненок, теленок; трусливость - заяц; глупость - баран, осел; хищность - волк; жестокость - собака; хитрость - лиса; коварство - змея и др. В метафорических образах птиц также отражены человеческие черты: ворона - крикливая, глупая; сова - угрюмая; сорока - болтливая; дятел - труженик; орел - могучий; сокол - быстрый, дальнзоркий, Ласточка олицетворяла весну; кукушка была вестницей печали; ворон, сова предвещали беду. При помощи богатой символики растительного и животного мира народ сумел ярко передать все оттенки сложной и многообразной жизни.

Характерной особенностью этой группы паремий является образование разветвленных гнезд-вариантов. Многие из них имеют параллели в других национальных фондах.

Пословицы о земледелии, столь же древние, как и о природе, отражают процессы сельскохозяйственного труда славян еще в доисторическом обществе. Диссертантом они сгруппированы вокруг опорных слов, обозначающих процессы труда: пахать /"орати"/ - 39, косить - 19, сеять - 49, жать - 39, молотить - 20; орудия обработки почвы и сбора урожая: плуг - 7, борона - 4, лемех - 6, серп - 3, коса - 13, грабли - 4, вила - 2, цеп - 12; результаты труда: урожай - 15, зерно - 7, колос - 13, трава - 17, сено - 9, солома - 10.

В памятниках древней Руси упоминаются почти все примитивные орудия обработки почвы и сбора урожая, а в языке народа уже в то время активно бытуют пословицы и поговорки о сельскохозяйственном труде. Как и самые формы возделывания почвы, так и пословицы о земледелии на протяжении своего развития мало меняли семантические поля. В них постоянно отражались процессы весенних, летних, осенних работ, передавались агрономические советы о необходимости удобрять землю, своевременно засеивать отборным зерном, о том, как и когда собирать урожай, беречь пахотные и уборочные орудия труда. Только часть пословичных изречений этой группы удалась от первоначального семантического поля и приобрела переносное значение, выйдя за пределы сельскохозяйственной тематики /"що посієш, те й пожнеш"/, в остальных же и в совре-

менном бытовании сохранились прямые значения.

Многочисленные однотипные наблюдения за природой запоминались и со временем оформлялись словесно как пословицы, пополняя все новыми образцами сокровищницу народной мудрости. Постепенно они концентрировались вокруг определенных дат, праздников, образуя народный земледельческий календарь. Именно оформление их по типу пословиц дает основание причислить это своеобразное фольклорное проявление к паремийному репертуару.

Паремии о домашнем хозяйстве сгруппированы в ряды вокруг опорных слов, характеризующих дом, домашнюю утварь, двор: хозяин / "господар", "газда" / - 55, хозяйка / "господиня", "газдиня" / - 19, хозяйство / "господарство", "газдівство" / - 14, двор - 13, добро - 20, хата - 102, дом - 15, окно - 6, дверь - 11, печь - 28, кочерга - 3, веник - 9, мусор / "сміття" / - 5, амбар / "комора" / - 6, колодец - 16, мешок - 23, забор / "пліт", "тин" / - 7, ворота - 10 и др.

Пословицы этой группы известны с древних времен. В процессе своего развития многие изречения расширили свои семантические поля, а иные наполнились новым содержанием и перешли в другие тематические разряды. Но некоторые образцы сохранили до нашего времени отголоски мифических верований. Так, пословица "Сказав би, та піч у хаті", "Не внось сміття з хати" отражают древнюю веру в то, что печь была обиталищем домового и, чтобы его не разгневать, нельзя было говорить некоторые слова - табу, запрещалось также выносить сор из избы. В современном функционировании многие пословицы о домашнем хозяйстве имеют разветвленные гнезда вариантов и параллели в других национальных репертуарах.

Близкие по тематике к предыдущим изречения о транспортных средствах, в сборнике сгруппированы в ряды с опорными словами: дорога - 43, воз - 28, колесо - 15, сани - 7, хомут - 6, ярмо - 2, ехать - 39 и др. В современном бытовании они также отличаются разветвленными гнездами вариантов, многие образовали новые семантические поля.

Паремии о ремеслах и промыслах диссертант разделил на ряды и циклы с опорными словами: ремесло - 15, мастер - 13; кузнец - / "коваль" / - 26, ковать - 12, железо - 11, молох - 6; мельник - 12, мельница / "млини" / - 14, молот - 16, пастух - 8, стадо - 4;

ткач - 12, шить, "швачка" - 22, портной /"кравец"/ - 16, гончар - 4, рубить дерево - 10, клин - 25, колода - 4, пень - 4, рыбак - 5, "верша" - 3, ловить рыбу - 15, охотник /"мисливець"/ - 31, охотиться /"полювати"/ - 5; "швец" - 19, шило - 8, копыл /"копито"/ - 6.

В диссертации прослеживается процесс возникновения пословиц о ремеслах и промыслах, связанных с развитием этих видов человеческой деятельности в древние времена, в частности в эпоху Киевской Руси, когда уже существовали мельницы, промыслы выделывания кож, одежды, изготовления различных предметов из дерева, железа, золота и др. Вокруг каждого ремесла возникала определенная группа метких изречений. В процессе своего развития многие из них меняли свои значения и переходили в другие сферы человеческой деятельности.

Разные виды труда отражены в группе пословиц с опорными словами контрастной пары: труд - 472 и лень, ленивые - 125; дело - 69, начало - конец работы - 49, плохая работа - "косо-криво" - 2, "стук-грык" - 4, сидеть без работы - 125, лежать - 51, много спать - 118. Эта группа, значительная по численности, является важной частью этнопедагогики, дидактики. В ней заложены высокие моральные ценности - любви и уважения к труду и осуждения лени и безделья. На пословичном материале о труде учились мудрости и опыта многие поколения людей. В современном бытовании часть из них стала полифункциональной, обогащая другие тематические слои.

Рассматриваемые в диссертации пословицы о пище сгруппированы вокруг опорных слов: голодный - 102, сытый - 22; названий хлеба: хлеб - 176, калач - 16, "палыниця" - 13; мучных изделий: "вареники" - 18, "пирог" - 37, "книші" - 10; названий блюд: борщ - 69, "галушки" - 6, каша - 39, "куліш" - 4; продуктов: молоко - 17, масло - 9, сыр - 9, колбаса - 16, мясо - 12, рыба - 11, сало - 29; приемы пищи: завтракать /"снідати"/ - 6, обе-дать - 27, ужинать /"вечеряти"/ - 13; названий посуды: "глек" - 11, "горнець" - 28, "збан" - 21, ложка - 22, миска - 15; способов приготовления пищи: варить, повар - 8, месить тесто /"розчиняти", "замісити"/ - 6, "ліжа" - 7, печь хлеб - 4; названий напитков: кисель - 8, квас - 14, мед - 32; вкусовых ощущений:

горький - 16, сладкий - 13.

Тематическая группа паремий о пище имеет значительное количество рядов и разнообразна по значениям. Многие образцы, относящиеся изначально к этой группе, в процессе своего развития стали приспособляться к другим явлениям в бытовой и общественной жизни, менять свои семантические поля /"Заварив кашу", "Опiкся на молоці, то й на холодну воду дме"/.

Одежда, как и пища, дала ряды пословиц, сконцентрированных вокруг опорных слов: одежда - 16, "жулан" - 5, "кожух" - 10, "сорочка" - 24, "шапка" - 8, "чоботи" - 32, "постолы" - 2, контрастные: голый - 54, одетый - 10, босой - 7, обутый - 5. В процессе своего развития многие пословицы этой группы также расширили свое значение: голый в пословицах стал синонимом бедного, "сiрiтк", свита" - принадлежность "убогого", "жулан", "кафтан" - богатого. Некоторые пословичные типы поменяли свои семантические поля и начали обслуживать другие сферы жизни. Отдельные образцы представляют собой практические советы одеваться красиво, со вкусом /например, "Прибери й пень, то буде подобень" и др./.

Многочисленный пласт народной мудрости представляют изречения о человеке, его жизни, семейных отношениях. В трехтомном собрании украинских пословиц они занимают около трети известных нам паремийных типов. В них характеризуются физические и моральные качества личности, дается философское осмысление бытия человека, его поведения. В некоторых образцах лиризм перемешивается с логическими рассуждениями над смыслом жизни. Приметной особенностью многих из них является то, что действия, поступки, черты характера раскрываются при помощи сопоставлений с природой, растительным и животным миром или через аллегорические образы природы раскрывается человек, его положительные и отрицательные свойства. Амплитуда значений в них довольно широка: от узких прямых до обобщенных переносных.

В диссертации пословицы о человеке и его жизни разделяются на отдельные группы и циклы, характеризующие разные этапы человеческого бытия. Среди других варианты гнезда имеют паремии, во главе которых стоят собственные имена с различными положительными или отрицательными характеристиками: мужские: Андрей -

8, Антон - 6, Гаврило - 14, Гриць - 33, Данило - 7, Иван - 23, Илья - 4, Кирило - 4, Кондрат - 4, Макар - 2, Мартын - 5, Микита - II, Михайло - 5, Панас - 6, Панько - 8, Савва - 10, Семен - 10, Федор - 7, Хома - 28, Яков - 5, Ярема - 8; женские: Варвара - 3, Анна - 6, Гапка - 7, Катерина - 7, Марина - 6, Марья - 7, Настя - 12, Олена - 3, Парасковья - 10, Солоха - 3, Федора - 4, Феся - 5, Хима - II.

Амплитуда семантических полей в ономастических пословицах довольно широкая: от серьезных характеристик /"Нещасному Макару нема талану"/ до шуточно-юмористических /"Без Гриця вода не осятьється", "Такої ласки дістану і в Параски"/. Многие паремии этих рядов построены на рифмовке собственного имени, к которому подбирается определенное рифмованное слово. Ономастические пословицы являются более поздними паремийными образованиями.

Пословицы и поговорки о добрачном периоде и семейной жизни разделены на подгруппы, характеризующие отдельные отрезки человеческой жизни. Изречения этой тематики сконцентрированы вокруг понятий: парень - 19, девушка - 104, девичья краса - 32, любовь /"кохання"/ - 125, милый - 32, нелюб - 9, неровня - 4, выбирать жену - 37, жениться - 90, выходить замуж - 75, сваха - 17, свадьба - 34, венец - II, коровай - 7, приданое /"посат"", віно"/ - 6.

Во многих выражениях содержатся яркие внешние характеристики. Так, при изображении девичьей красоты и чувства любви пословицы используют песенные сравнения с растительным и животным миром /"Гарна дівчина, як у лузі калина", "Сокіл не парубок, орел не козак"/, окрашенные песенной образностью /"Дівоче серце, як у літі сонце: хоч тихеньке, та тепленьке"/.

Замужество - венец любви. На выбор жениха или невесты народ смотрит более трезво и менее романтично, чем на любовь, руководствуясь уже не только чувствами, но и разумом. Хотя в некоторых выражениях и звучит фатальная уверенность в том, что "Суженого конем не об'їдеш", но все же практический опыт народа советует брать жену по любви /"Бери дівку в одній льолі, аби була до любові"/. Одновременно паремии предостерегают от социального неравенства, не одобряют они и большой возрастной раз-

ницы между будущими супругами.

Пословицы о семье и родственных отношениях выделены в ряды с опорными словами: семья / "родина" / - 7, жена - 264, муж - 88, отец - 91, мать - 90, мачеха - 25, отчим - 2, дети - 144, сын - 44, дочь - 30, брат - 22, сестра - 9, сирота - 50, удовец, удова - 34, род - 72, свекор, свекровь - 20, сноха, / "невістка" / - 18, зять - 23, тесть, теща - 19, баба - 131, дед - 34. В изречениях этих пословичных рядов освещаются разные стороны семейных отношений, зародившихся в древние времена и сопровождающих жизнь от рода к роду. Почти под каждым опорным словом здесь концентрируются по несколько /иногда десятки/ пословичных типов. Многие из них имеют разветвленные гнезда вариантов. Их тематический диапазон очень широк: подчеркивается решающая роль жены в создании семейного уюта, контрастно противопоставляются старый муж и молодая жена, раскрывается их возрастная несовместимость, утверждается, что крепкая здоровая семья с детьми является основой продолжения рода, семейного счастья и благополучия /"Сім'я міцна - горе плаче"/. Взгляды на семью, выраженные в украинских паремиях, во многом совпадают с нравственными взглядами, зафиксированными в пословицах других народов, о чем свидетельствуют проведенные в диссертации параллели паремийных образцов других славянских народов.

На протяжении многих веков народная мудрость создавала пословицы для определения отношений между родителями и детьми. В них доминирует мотив уважения родителей со стороны детей, утверждается, что первейшая обязанность родителей - воспитать детей, передать им свой жизненный опыт. В изречениях этих рядов отражена высокая народная мораль человеческого общежития. Одним из наиболее распространенных в паремиях является образ матери, окрашенный песенным лиризмом. Здесь используются символы, взятые из мира природы /"Пташка радіє весні, а мати - дитині"/. Некоторые пословицы построены по принципу контраста, где ласковой матери как воплощению любви, добра, семейного тепла противопоставляется злая мачеха, олицетворяющая жестокость, ненависть, бездушие /"Мати голівку м'яє - пригладжує, а мачуха м'яє, прискубує"/. В эти ряды пословиц перешли и некоторые песенные сравнения мачехи с осенним или зимним солнцем. В паремиях о де-

тях затрагиваются вопросы их воспитания, утверждается необходимость продления рода.

В диссертации проанализированы также циклы пословиц и поговорок о жизни человека, его молодости, старости, смерти. Они сгруппированы вокруг опорных слов: век - 42, годы /"роки", "лі-та"/ - 23, жизнь, жить - 167, смерть, умирать - 160, молодость - 65, старость - 124, здоровье - 62, болезнь - 96, кривой - 9, слепой - 38 и др. Они наполнены философскими размышлениями о смысле жизни, ее скоротечности, о сущности человеческого бытия. Век человеческий сопоставляется в пословицах с пространством - полем, морем; жизнь сравнивается с течением воды, опавшими листьями, колючей "стерней" /"Збігли літа, як вода", рос.: "Уплили годы, как вешние воды"; "Життя, як стерня: не пройдеши, ноги не поколовши"/.

Разветвленные пословичные типы имеют контрастные ряды с опорными словами молодость - старость. Для того чтобы ярче оттенить молодость в жизни, народная мудрость сопоставляет ее со старостью. Абстрактные понятия при этом персонифицируются /"Молодість пішла, не попрощалася, старість прийшла, не привіталася"/. Пословицы о здоровье широко используют художественный прием сопоставления гиперболы и литоты /"Здоров'я виходить пудами, а входит золотниками"/. Они по-философски обосновывают пренебрежение к смерти, утверждают бессмертие добрых дел человека. Некоторые выражения генетически связаны со сказками, анекдотами, поверьями /"Круть-верть, а за плечима смерть", "Смерть з лопатою ходить та й людей на цвинтар водить"/.

В диссертации проанализированы также пласты паремий, относящиеся к поведению человека, его речи, поступкам, чертам характера. Среди них в отдельную группу выделены соматические изречения, размещенные вокруг слов: борода - 21, волос - 18, коса девичья - 12, усы - 9, голова - 172, лицо - 20, нос - 38, глаз /"око"/ - 95, уста /"губи"/ - 26, рот - 49, язык - 98, зубы - 42, шея - 7, сердце - 76, палец - 23, плечо - 7, руки - 63, ноги - 27, колени - 4, пятя - 7. Многие пословицы этих рядов имеют метонимический характер, где часть характеризует целое: рука - человеческий труд, голова - ум, сердце - чувство, язык - речь и др. Большинство соматических изречений перешло в другие тема-

гические группы и стало обслуживать иные сферы человеческого бытия, характеризуют, в частности, красоту /"Коса - дівоча краса"/, любовь матери к детям /"У дитини заболить пальчик, а у матері серце"/, отношения между людьми /"Рука руку миє"/. Пословицы и поговорки этих рядов могут передавать и внешние портретные характеристики через метонимические образы лица, девичьих бровей, глаз /"Краснеє личко - серцю неспокій", "Одна брова варта вола, а другій брові й ціни нема"/.

В отдельную группу, хотя и тесно связанную с предыдущей, выделены изречения, сгруппированные вокруг слов: видеть - 37, смотреть - 55, слушать - 30; способах движения - бежать - 22, идти - 91, лезть - 43, падать - 36, прыгать /"скакати"/ - 22, убегать - 34; речи - говорить - 123, казать - 79, молчать - 39, спрашивать - 16, слово - 125, речь - 36, голос - 11. Пословичные типы этой группы богаты вариантами. В ней преобладают образцы с прямыми значениями, в некоторых расширены или приобретены новые семантические оттенки. Опорные слова богаты на синонимы: говорить, казати, балакати, базікати, бесідовати, верзти, лепетати, плести, молоти язиком и др. В диссертации приводятся примеры пословиц, отражающих разные способы ведения речи и ее оттенки. Речь может быть умной, красивой /"Так говорить, наче з писаного читає"/ или пустой /"Наговорив сім /десять/ мішків гречаної волни і всі неповні"/. В переносном значении глупая речь может олицетворяться в метафоре пустой мельницы /"Порожній млин і без вітру меле"/, волы в решете и др. К данной группе примыкают и пословицы с опорным понятием слово. Рассматриваемые паремии свидетельствуют, что народ всегда придавал большое значение слову, устному или письменному договору. Соблюдение слова считалось важным признаком порядочности, честности человека. Со словом связаны правила ведения речи, речевой этикет /"Кажи не кажи, а своє слово здержи", "Не до ладу сказати - краще мовчати"/.

Близка по семантике к предыдущей группа пословиц и поговорок о знании и его противоположности - незнании, невежестве. Изречения этой группы сконцентрированы вокруг слов: знание - незнание - 98, мысль - 34, память - 7, забывать - 5, ошибка - 6, умение - 33, учиться - 29, писать - 36, школа - 13 и др.

В них высоко оценивается роль знания в жизни человека /"Пташка красна своїм пір'ям, а людина своїм знанням"/, даются советы учиться в молодости /"Не кайся рано встати, а замолоду вчитись"/ и др.

В центре паремий о человеке находятся изречения о его свойствах, чертах характера. В трехтомном собрании этот большой пласт паремий распределен на отдельные циклы и ряды /иногда с контрастными парами/ с опорными словами: умные, ум - 327, глупые /"дурні"/ - 381, добрые - 170, злые - 197, честные - 27, совестливые - 28, бессовестные - 15, щедрые - 4, скупые - 28, завистливые - 15, злодеи - 72, воровать /"красти"/ - 60, лгать /"брехати"/ - 197, хитрые - 24, лукавые - 8, гордые - 17, хвастуны - 112, упрямые /"вперті"/ - 12, отважные - 28, смелые - 19, трусливые /"бодгузи"/ - 104, сильные - 72, ненужные /"непотрібні"/ - 35, осторожные - 113, тихие - 24, пьяницы - 96 и др.

Паремийные изречения этого пласта имеют много пословичных типов в рядах и также много вариантов в каждом типе. Некоторые из них строятся на контрастных парах. Очень разнообразны они и по привлекаемым реалиям. По своей семантике к ним принадлежат изречения с образами, характеризующими растительный и животный мир, где их свойства перенесены на черты характера или поведения людей. Многие оперируют вечными истинами, мудрыми советами, передающимися из поколения в поколение. Так, ум противопоставляется богатству и почестям /"Краще розум, ніж золото"/, утверждается понятие добра как высшей моральной ценности, ему противопоставляется зло в разных его проявлениях. Злой человек сравнивается с волком, собакой, осой, хищный - с ястребом. Народ осуждает скупость /"У скупого серед зими льоду не випросиш"/, коварство /"На язичі медок, а на серці льодок"/, хвастовство /"У хвалька язик діє, а руки не вміють"/, нечестность, клевету /"Обмова - полова, вітер її рознесе, але й очі засипле"/. Довольно большие циклы паремий характеризуют отвагу, физическую и духовную силу человека. Народная мудрость высоко ценит эти черты, утверждая преимущество смелости над трусостью /"Де відвага, там і перемога"/. Выражения этих рядов составляют кодекс нравственных норм, складывающихся на протяжении многих веков.

В отдельную группу выделены паремии о взаимоотношениях меж-

ду людьми. Они сконцентрированы вокруг контрастных пар: друг, дружба - 82, враг, вражда - 57, а также - ругаться /"свариться", "лаяться"/ - 48, кричать - 35, бить - 152, наказывать /"карати"/ - 65, ударить - II, и др. Паремии показывают, что в отношениях между людьми обычно проявляются лучшие черты характера, при этом простым людям всегда свойственны дружба, товарищество, добрососедство. Дружба испытывается жизнью /"Де счастья упало, там і приятелів мало"/. Особенно предостерегают пословицы о неискренности в дружбе, от коварства в человеческих отношениях /"Не той ворог, що перед тобою, а той, що за спиною"/. Придавая большое значение единству, дружбе, паремии осуждают междоусобицы, распри, драки, ссоры, советуют жить в мире и согласии. Они употребляются преимущественно с прямыми значениями, но некоторые расширили свои семантические поля и перешли в другие сферы человеческой деятельности.

Среди пословиц и поговорок этого массива отдельно выделены изречения, касающиеся имущественных отношений, материальной взаимопомощи. Они сконцентрированы вокруг слов: давать - 136, брать - 50, взять - 26, дарить - 26, благодарить /"дякувати"/ - 7, помогать - 7, советовать - 27, обещать - 31, иметь /об имуществе/ - 55, не иметь - 30, достаток - 18, просить - 34, искать /"шукати"/ - 25, находить - 27, потерять /"загубити"/ - 19, мое - 12, наше - 15; контрастные: свое - 61, чужое - 64 и др. Пословицам этих рядов характерны прямые значения, многие расширили свои семантические поля и употребляются параллельно в других сферах жизни. Некоторые имеют разветвленные гнезда вариантов и параллели в других национальных репертуарах.

Из пласта пословиц о взаимоотношениях вычлениваются изречения о роли денег в обществе и поведении людей в сфере торговли. Они сгруппированы вокруг опорных слов: деньги /"гроші"/ - 201, золото - 45, серебро - 6, старых названий денег: алтын - II, грейцар - 14, гривеник, гривна - 3, полупка - 2, пятак - 4, шаг, шак - 5 а также: копейка - 23, рубль - 4, менять - 21, платить - 9, покупать - 61, торговать - 24, продавать - 31, бар - 9, ярмарка - 23, товар - 20, долг - 38, давать взаймы /"позичати"/ - 25 и т.д. В пословицах осмыслена роль денег /списанием - золото/ в обществе. Произошла и своеобразная трактовка

их в народной мудрости. Прежде всего показана роль денег /шире богатства/: "Гроші - сила : одних підкуплять, других напоять, а третім біди накоять", "Золотий ключик кожний замок відкріє". На многие из этих опорных слов нанизываются десятки паремий, передающие разные оттенки взаимоотношений между людьми, иногда с переосмысливанием прямого значения /"На всякий товар є свій покупець", "Кота в мішку не купують"/.

Отдельно сгруппированы паремии с обобщенными понятиями: беда - 358, горе - 95, "лихо" - 127, напасть - 10, нужда - 21, "злядні" - 21, надежда - 11, счастье - несчастье - 170, правда - 204, "кривда" - 17, радость - 18, печаль /"гризота"/ - 18, журба /"смуток"/ - 55. В них выразительно прослеживается социальный лейтмотив неравенства в обществе, в совокупности они дают обобщенную картину неравенства людей, утверждают морально-этический идеал трудового народа, его оптимистическую мировоззренческую доминанту - веру в победу правды и добра. Наиболее многочисленными в этой тематике являются изречения, группирующиеся вокруг слова беда с разнообразными значениями: от простой констатации и оценки определенного случая к философским обобщениям о сущности несправедливого общественного строя. Абстрактное понятие беда через контекст пословицы часто проектируется на конкретное событие, иногда персонифицируется /"Як одна біда йде, то ще й другу за собою веде"/, охватывает как временные /"Кого біда вчепиться зранку, то держиться й до останку"/, так и пространственные параметры /"Од Києва до Кракова всюди біда однакова"/. Аналогичные значения имеют пословицы-синонимы со словами - горе, лихо /"Де лихо пристане, там і трава в'яне"/, иногда с рифмовкой слов горе - море /"Бреду горем, мов тим морем", "Горе - як море: не перейдеш зразу"/.

Широкую амплитуду значений и применений от прямых конкретных оценок ситуаций до масштабных социальных обобщений приобрели изречения стержневой пары счастье - несчастье. Как в фольклоре в целом, в пословицах преобладает надежда на возможное счастье /"Дівка не без щастя, козак не без долі"/. Но если в одних бразцах звучит фаталистическая уверенность, что счастье не зависит от самого человека /"Хто не мав щастя від ранку, не матиме й до останку", "Не родись красна, а родись щасна"/, то в

других как бы опровергается эта вера, утверждается, что счастье зависит прежде всего от самого человека /"Щастя в повітрі не в'ється, воно працює дістається", "Усякий свого щастя коваль"/. Созвучны с предыдущими и мотивы пословиц о судьбе /"доли" і "недоли"/. Наиболее древние представления о них основывались на вере в независимость их от человека в сверхъестественном предопределении человеческой судьбы /"Свої долі і конем не об'їдеш", "Лихої долі не вгадаєш"/. Другие пословицы расшифровывают причины горькой судьбы, заключающиеся в бесправии трудового народа /"Не у всіх долі однакова, одним сиплеться зерно, а другим - полова"/. Этот образ встречается часто в бурлацких и чумацких песнях, мастерски он был использован во многих стихотворениях Т.Г.Шевченко.

Параллельно социально насыщенным понятием судьбы и "недоли" в пословицах существует и народное осмысление правды и неправды. Они перекликаются с песенными образами о правде и неправде, воплощенных с большой художественной силой в народной песне "Немає в світі правди, правди не зискати, бо тепер неправда стала правдувати". В пословицах о правде и неправде посредством контрастных приемов изобличается социальная несправедливость /"Брехня за столом, а правда під порогом"/. Народная мораль утверждает правду как наивысшую духовную ценность /"Правда дорожча від золота", "Правда і в вогні не горить, і в воді не тоне"/.

В сопоставительном плане сгруппированы контрастные пары, передающие социальное неравенство: бедные - 128, богатые - 230, нищие /"жебраки"/ - 55, "панш" - 412, "бурлаки" - 7, слуги /"наймити"/ - 54 и др. Они передают классовый антагонизм господствующих и угнетенных слоев общества /"Бідний робить, а багатому ридить", "Двом панам служити, а сорочки не має"/. Одни выражения этого пласта пословиц имеют прямое значение, в других преобладают переносные, аллегорические. Здесь образы взяты из мира природы: травоядные животные символизируют рабочего человека /"Котрий ві тягне, того ще й б'ють"/, звери-хищники олицетворяют эксплуататорские классы /"Біда вівчям, де вовк наступить"/.

В отдельные ряды объединены пословицы с опорными словами: суд - 78, закон - 19, право - 11, прист - 1, свидетель - 6,

тюрьма /"арешт", "темниця"/ - І4. В них отрицательными чертами изображаются представители власти - чиновники, царский суд /"Кולי карман пустий, то й суддя глухий"/. Взяточничество изобличается также переосмысленными бытовыми реалиями /"Хто мастить, тому віз не скрипить"/.

В пословичном репертуаре украинского фольклора отдельную группу составляют изречения с опорными словами, характеризующими служителей церкви и раскрывающими разное отношение народа к вере в Бога, загробную жизнь - от положительного, утверждающего существование сверхъестественной силы, к отрицательному, воспроизводящему пренебрежительное отношение народа к церкви, религии, вере в Бога. В трехтомном собрании украинских пословиц они сконцентрированы вокруг опорных слов: поп - 55, дьяк - 9, чернец - 8, монастырь - 17, игумен - 4, владыка - 7, церковь - 24, Бог - 92, святыне - 23, черт /"дідько"/ - 236, ведьма - 25, ад /"пекло"/ - 19, рай - 6 и др. Некоторые изречения из этих рядов окрашены иронией и юмором /"Казав Бог дати, але ще треба ждати", "Добре в пекло, бо там тепло, а піди в рай, то й про дрова дбай"/. Многие пословицы приобрели переносное значение и употребляются в других сферах жизни /"Рада б душа до раю, та гріхи не пускають", "На тобі, Боже, що мені не гоже"/.

В отдельную группу выделены топонимические изречения с опорными словами: Бар - 1, Бахмут - 2, Борисполь - 1, Борзна - 1, Галич - 2, Гайсин - 1, Городня - 1, Золотоноша - 2, Каме́нец - 1, Киев - 10, Коломыя - 3, Краков - 3, Луцк - 1, Львов - 5, Нежин - 1, Рогатин - 2, Сосница - 1, Чигирин - 1, Яготин - 1; гидронимические: Ворскла - 1, Десна - 1, Днепр - 2, Днестр - 1, Дон - 3, Дунай - 3, Прут - 1, Стрый - 1, Хорол - 1; географические: Бескид - 1, Карпаты - 1, Подолье - 2 и т.д. Топонимические пословицы отличаются своеобразным колоритом, окрашены юмором /"Кущі з Бару: ні грошей, ні товару", "Прийшли з Борзни та чортзна-що зверзли"/.

Пословиц об исторических событиях сохранилось немного. Из древнекняжеского периода известны только единичные образцы, имеющие опорные слова: оборн - 1, князь Борис - 1, князь Роман - 2, Родня - 1, Русь - 4, Киев - 1, а также несколько выражений, имеющих в основе бытовые реалии. В паремийном фонде встречаются

изречения о нападении орд на славянские земли, сконцентрированные вокруг понятий: орда - 2, татары - 12, хан - 4 /"Де стопа орды перейшла, там трава не росла", "Аби не лежачого татары взяли"/, об освободительной борьбе под руководством Богдана Хмельницкого /опорные слова Хмельницкий - 2, Богун - 1, казак - 97, булава - 6, Корсунь - 1, ляхи, шляхта - 30/, о гайдамацком восстании /Зелизняк Максим - 3/, о чумацкой жизни /степь - 3, чумаки - 13 и др./. Превалируют в этой группе паремии о жизни и быте запорожских казаков. В них прославляется их мужество, отвага, свободолюбие /"Степ та воля - козацька доля", "Ще не вмерла козацька мати!"/. Некоторые образцы перешли из исторических в бытовые /"Забажалось козаку зеленого часнику", "Козак не без долі, дівка не без щастя"/.

Отдельную группу представляют паремии о взаимоотношениях человека и коллектива, сконцентрированные вокруг слов: один - два /много/ - 24, два - третий - 6, семь - один - 2, а также: единение - 4, сома /"спілка"/ - 2, гурт - 16, "громада" - 24, народ - 14. Некоторые построены по структурным моделям /"Два третьего не ждуть", "Семеро одного не ждуть", "Де два б'ються, третій користає" и т.д./.

Кроме собственно пословиц и поговорок как доминирующих в паремийном репертуаре, в диссертации рассмотрели и другие разновидности паремийного творчества, собранные в трехтомном издании украинских пословиц: нагодные сравнения /насчитывают более 3000 единиц/, пожелания, приветствия, тосты - 145, проклятия, заклинания, угрозы - 360, "ворожоба" - 20, поверья - 28, детские приговорки - 80, каламбурь, формулы невозможного - 329, диалоги - 199, сказочные зачины, концовки - 27, песенные цитаты - пословицы - 217.

Из перечисленных выше паремийных разновидностей наиболее распространенными являются нарские сравнения. Они имеют много общего и с поговорками, с которыми их сближает неоконченность фразы, тип незамкнутого клише, свойство присоединяться к другим компонентам речевого потока. Сравнения, как и пословицы, по тематике очень разнообразны, а в сфере признаков, качеств даже богаче. Некоторые паремииологи и фразеологи относят их к поговоркам. Структурная общность позволяет выделить их в отдельную разновид-

ность паремийного творчества.

Особенно богаты сравнения изображением качеств явлений природы, черт характера человека, признаков величины, меры, веса, форм предметов /"Ясний, як сонечко", "Чистий, як слюза", "Мокрий, як хлоц", "Старий, як світ", "Червоний, як жар", "Верткий, мов в"юн" и др./ Материал для сопоставления привлекается чаще всего из наблюдений за фауной, природными явлениями, предметами быта и реже из сферы человеческих действий.

Классическое сравнение состоит из трех слов, составляющих компаративный оборот: сравнительное слово, сравниваемое и связка-индикатор. К основным словам часто прибавляются факультативные. Среди сравнений есть много эллипсированных, начинающихся союзами мов, иначе, неначе, як /"мов вода зміла", "наче рак на міліні", "як вареник у маслі"/. В живой речи существует тесная связь между полными и усеченными сравнениями. Решающую роль здесь играет контекст, стремление передать мысль в развернутой, или, наоборот, - экономной, сжатой форме. Иногда сравнения включаются в пословицы /"Гість як невільник: де посадять, там і сидить"/.

Среди разновидностей паремий особенно разветвленными и богатыми на варианты являются пожелания /"Будь здорова, як вода, а богата, як земля!", "...щаслива, як зоря"/, формулы невозможного /"Буває, що й ведмідь літає", "...що й теля вовка хапає"/, выражения, высмеивающие мнимую родню, своячество /"Андрій бабці рідний Федір", "Близька рідня: на одному сонці онучі сушили"/, формулы несоответствия /"Де Крим, де Рим, а де попова груша", "...а де злодійська корчма", "... а де Настіна криниця"/ и др. В диссертации дается характеристика перечисленных выше разновидностей паремий, определяется их образование по структурным моделям.

Исследование поэтики является одной из наиболее сложных и малоизученных проблем фольклористики. Пословичные единицы все время находятся в движении, меняют форму и содержание, поэтому трудно поддаются анализу. Освещение этого аспекта паремологии имеет большое научное значение, помогает раскрыть секреты долголетия паремий, кроющиеся как в глубокой мудрости, так и в совершенной художественной форме.

В процессе развития пословицы и поговорки расширяли или сужали количество компонентов, образовывали в результате этих изменений новые варианты. В живой пословичной традиции происходило пестрое и динамическое варьирование текстов /входящих в один тип/ как в области лексики, так и в области синтаксиса и фонетики. Составители паремийных сборников имеют дело с многими вариантами пословиц и поговорок. В трехтомном издании украинских пословиц и поговорок многие пословичные типы насчитывают более десятка вариантов, а в рукописных фондах Института искусствоведения, фольклора и этнографии им.М.Рыльского АН УССР их значительно больше.

Наблюдения над паремийным репертуаром показывают, что наиболее многочисленными являются гнезда, изображающие явления природы, предметы быта, семейные отношения - почти все они имеют параллели в других славянских национальных фондах.

Изменения в семантике пословиц приводили к образованию вторичных переносных значений. Эволюция паремий могла проходить такие стадии: а/ словосочетание приобретало устойчивость; б/ расширяло свое значение, становилось образным; в/ трансформировало свое семантическое поле на другие аналогичные ситуации или события; г/ значение пословиц закреплялось за другими видами человеческой деятельности; д/ изречения приобретали новый смысл вследствие актуализации текстов, использования в художественных произведениях.

Процесс превращения паремий с определенной конкретикой в переносные начался еще в глубокой древности. Памятники древнерусской литературы используют пословичные образцы одинаково и с прямым, и с переносными значениями, что свидетельствует о высокой степени их развития уже в то время.

На основе учения А.Потебни о внешней и внутренней форме слова в диссертации прослеживается процесс образования пословиц с переносными метафорическими и аллегорическими значениями, роль ассоциативного мышления в процессе таких превращений. В основе метафоризации пословиц лежит внутренняя связь между явлениями природы и общественной жизнью. Народ любит сводить предметы и явления жизни в контрастные пары и ставит их в такие словосочетания, которые нарушают стереотипность мышления, автоматизи-

движения мысли, дают им резкий поворот.

Переосмыслению может подвергаться либо вся пословица, либо отдельные ее компоненты. В значительной мере это зависит от использования того или иного вида тропов: сравнений, метафор или метафорических образов, гипербол и литот, метонимий, синекдох, эпитетов и т. д.

В современных паремийных ^{де} ретуарах славянских народов около половины изречений имеют переносные значения. Между тематическими группами они распределены неравномерно: наибольшее их количество имеется в тех образцах, опорные слова которых являются названиями конкретных предметов материальной действительности, связанных с жизнью человека. В диссертации приводится сводная таблица наиболее употребляемых в пословицах метафорических и символических образов, многие из которых отличаются полисемантичностью.

Композиция паремий, хотя и разнообразна по форме, все же подчинена определенным законам, исследуемым как фольклористами, так и лингвистами-фразеологами. Особенностью строения многих пословиц является зависимость их компонентов от контрастного выражения мысли посредством введения в них противоположных по значению пар.

В трехтомном издании украинских пословиц и поговорок выделены следующие контрастные циклы паремий: небо - земля, огонь - вода, солнце - месяц, свет - тьма, тепло - холодно, день - ночь, лето - зима, волк - овца, труд - день, жизнь - смерть, здоровье - болезнь, молодость - старость, умные - глупые, смелость - трусость, друзья - враги, много - мало, свое - чужое, хорошо - худо, добро - зло, радость - горе, правда - неправда, правда - кривда, родина - чужбина, бедные - богатые и др. В диссертации проанализированы контрастные пословицы всех тематических групп, раскрыта роль художественного приема - контраста в образовании пословиц, определены употребляемые параллели. Контрастность пословиц - важное средство художественного отражения действительности: она обеспечивает выразительность поэтического изображения и играет чрезвычайно важную роль среди экспрессивно-образных средств языка. В контрастных пословицах образы более яркие, цвета свежее, действия выразительнее. Изучение паремийной контрастности раскрывает один из многих секретов художественного совершенства

ва этого вида народного творчества.

В национальных репертуарах встречаются нередко пословицы, построенные по структурным моделям. Большинство этих моделей сформировалось уже на начальных стадиях развития языка. В литературных памятниках Киевской Руси находим развитые пословицы, построенные по формулам еще... то... "Аще сдѣвадит волк в овце, то выносит все стадо" /"Повесть временных лет"/, лучше... неже ... /Луцезь бы потяту быти неже полонену быти" /"Слово о полку Игореве"/ и др. В диссертации проанализированы наиболее распространенные типы моделей, встречающиеся в украинском пословичном фонде и имеющие параллели в репертуарах других славянских народов: логическая структура тождества двух понятий, формула А = В /"Розум - скарб людини"/, компаративная модель с формулой А как Б /"Діти, як квіти: поливай, то й ростимуть"/ или А не может равняться Б /"Слово не горобець: випустив, не впіймаш"/, модель утверждения качественного совпадения двух значений, выраженная формулой каково А, таково и Б /"Якш пшениця, така й пшаниця"/, модель сопоставительной характеристики с формулой как А, так и Б /"Як грають, так танцюють"/, взаимосвязи причины и следствия /"Де дим, там і вогонь"/, компаративная модель с формулой лучше А чем Б /"Краще вмерти, ніж у неволі жити"/, модель, отражающая право собственности чье А, того и Б /"Чий гребля, того й став"/, модель взаимозависимости - без А нет Б /"Без труда нема плода"/, модель несоответствия - А не может быть Б /"Вовк вівці не товариш"/, или А не может равняться Б /"Один цвіт не робить вінка"/ и др. Ряды пословиц, построенных по количественным структурным признакам и соотношениям, легко группируются; по ним делаются попытки создания межнациональных классификаций паремий.

В диссертации исследуется также проблема интонационно-ритмических и звуковых основ паремий. Ритмика и рифмовка пословиц и поговорок тесно связаны с их происхождением и первоначальным функционированием. Некоторые паремистологи считают, что в основе ритмического звучания пословичных изречений лежит силлабо-тонический способ стихосложения, но большинство /к ним относится и автор диссертации/ придерживается мысли, что в пословицах преобладает народнопесенная система. В диссертации на конкретных

примерах показан приоритет народнопесенных основ в пословичной ритмомелодике. Подтверждением этого является и то, что многие пословицы и поговорки первоначально были составной частью песен, а позже перешли в разряд паремий, сохранив при этом и свое ритмическое звучание.

Ритм и рифмовка играют важную роль в художественном совершенстве паремий. Они помогают осмыслить заложенную в пословице мысль и легко воспроизвести ее. Народ тонко чувствует логические подъемы и спады, интонацию, переходы от одного вида ритма к другому. Ритм и рифмы в них являются не случайными, а совершенно преднамеренными, специально созданными. Существует связь ритмомелодики пословиц с их значениями, звуковая символика подчиняется их содержанию.

Использование паремий в конкретном литературном контексте составляет самостоятельную научную проблему, имеющую множество аспектов. В диссертации рассмотрены только те из них, которые связаны с трансформацией формы в литературном контексте. В зависимости от авторского замысла пословицы могут цитироваться в полной и усеченной форме, соединяться с авторской речью или использоваться их эллипсы, менять свое семантическое поле. По пословичным моделям художники слова строят иногда собственные крылатые выражения. Распространенным видом трансформации является также контаминация двух синонимических пословиц или их частей. В целом эта многогранная проблема ждет еще своего исследователя.

В заключении диссертации кратко подытоживаются результаты исследования.

Итак, рассмотренный материал убедительно доказывает, что отечественная паремиология и паремиография имеют значительные достижения в области собирания, издания и изучения паремий. Но украинский материал к исследованиям привлекался мало. Поэтому диссертация вместе с трехтомным изданием пословиц ставит своей целью хотя бы в некоторой степени заполнить этот пробел в фольклористике. Здесь впервые исследован весь украинский паремийный фонд, раскрыт генезис паремий, их автохтонность и в то же время связи, существующие между паремиями славянских и неславянских народов на протяжении всей их истории. На основе иссле-

дования существующих систем классификации пословичного материала обобщены принципы наиболее целесообразной классификации украинского паремийного фонда. В работе определена степень изученности украинских паремий, одновременно выявлены и нерешенные вопросы. Впервые в украинской фольклористике изучение украинского материала поставлено в общий восточнославянский контекст. Значительное место уделено исследованию семантики пословиц, сгруппированных в ряды, циклы, тематические группы и разделы. Подсчитано количество типов в пословичных рядах, что дает возможность определить их частотность функционирования в паремийном фонде, уяснить, какие из опорных слов и, следовательно, рядов паремий были наиболее распространенными в языке народа и какую роль они сыграли в его становлении и развитии. Предпринята попытка проследить новую жизнь пословиц в текстах художественных произведений.

Широкое использование фольклора в народной речи, в языке художественной литературы и публицистике свидетельствует о том, что народной мудрости принадлежит большое будущее. Из этой бесценной сокровищницы будут черпать идейную силу, вдохновение и поэтическую красоту еще многие поколения мастеров художественного слова.

В изучении украинского народного паремийного творчества остается и ряд нерешенных вопросов: нет полного академического корпуса пословиц, не созданы этимологические и семантические словари пословиц и поговорок, отсутствуют сравнительные исследования украинских паремий в контексте всей славянской и неславянской науки, почти нет исследований о трансформации украинских пословиц и поговорок в языке художественных произведений, не составлена полная библиография славянской паремологии и паремииграфии и др.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах автора:

І. Українські прислівки та приказки. Проблеми пареміології та пареміографії /Монографія/. - Київ: Наукова думка, 1984. - 204 с. - /На укр.яз./ - рец.: Скрипник Л.Г. Монографічне дослідження об українських прислівках та приказках// Народна творчість та етнографія. - 1985. - №5. - С. 70-71; Нахлік Е.

Проблеми пареміології і пареміографії// Радянське літературознавство. - 1986. - № 6. - С.70-71. Мушінка М. Українські прислів'я та приказки// Slovenský národopis. - 1987. - N 1. - С.239-240.

2. Пословицы и поговорки. Природа. Хозяйственная деятельность человека. /Составление, комментарии, вступ.статья - "Жемчужины народной мудрости". - С.9 - 44. М.Пазяк/ - Киев: Наукова думка, 1989. - 480 с. /На укр.яз./.

3. Пословицы и поговорки. Человек. Семейная жизнь. Черты характера. /Составление, комментарии, вступ.статья - "Человек в пословицах и поговорках". - С.7 - 28. М.Пазяк/ - Киев: Наукова думка, 1990. - 528 с./ На укр.яз./.

4. Пословицы и поговорки. Взаимоотношения между людьми /Составление, комментарии, вступ.статья - "Народный кодекс моральных и социальных отношений между людьми" - С.7 - 20. М.Пазяк/ - Киев: Наукова думка, 1991. - 442 с. /На укр.яз./.

5. Українські прислів'я та приказки/ Составитель, автор предисловия М.Пазяк/. - Киев: Дніпро, 1976. - 216 с. - /На укр. яз./.

6. Украинские пословицы и поговорки/ Составление С.В.Мишанича и М.М.Пазяк, автор предисловия М.Пазяк/. - Киев: Дніпро, 1984. - 392 с. - /На укр.яз./.

7. Из истории собирания, систематизации и изданий пословиц и поговорок// Народна творчість та етнографія. - 1977. - №5. - С. 76-86. - /На укр.яз./.

8. Проблемы современной паремологии// Народна творчість та етнографія. - 1980. - №1. - С. 94-97. - /На укр.яз./.

9. Интернациональное и национальное в паремологии// Народна творчість та етнографія. - 1980. - №4. - С. 84-87. - /На укр.яз./.

10. Выдающееся достижение польских фольклористов// Народна творчість та етнографія. - 1980. - №6. - С. 89-92. - /На укр.яз./.

11. Иван Франко - собиратель и издатель пословиц и поговорок// Народна творчість та етнографія. - 1981. - №4. - С. 37-46. - /На укр.яз./.

12. Достижения современной белорусской паремологии и па-

ремиографія// Народна творчість та етнографія. - 1982. - №4. - С. 74-78. - /На укр.яз./.

13. Пословицы и поговорки о хлеборобской деятельности людей// Народна творчість та етнографія. - 1982. - №5. - С.43-49. - /На укр.яз./.

14. Библиографические издания узбекской и украинской паремииологии// Народна творчість та етнографія. - 1982. - №6. - С. 72-75. - /На укр.яз./.

15. Рукописные паремииографические сборники в фондах Института искусствоведения, фольклора и этнографии им.М.Ф.Рильского АН УССР// Народна творчість та етнографія. - 1983. - №1. - С. 53-56. - /На укр.яз./.

16. Эволюция формы и семантических значений в восточнославянских пословицах и поговорках// Народна творчість та етнографія. - 1983. - №4. - С. 28-36. - /На укр.яз./.

17. Сборник пословиц М.Номиса/ К 120-летию со дня выхода в свет книги "Українські приказки, прислів'я і таке інше"// Народна творчість та етнографія. - 1984. - №1. - С. 15-28. - /На укр.яз./.

18. Трансформация народных пословиц и сравнений в творчестве Юрия Федьковича// Народна творчість та етнографія. - 1984. - №4. - С. 23-29. - /На укр.яз./.

19. Образование восточнославянских пословиц и поговорок по структурным моделям// Народна творчість та етнографія. - 1985. - №4. - С. 10-17. - /На укр.яз./.

20. Контрастность в пословицах// Народна творчість та етнографія. - 1986. - №3. - С. 25-31. - /На укр.яз./.

21. Народно-поэтические источники творчества Олеса Гончара// Народна творчість та етнографія. - 1988. - №4. - С. 8-16. - /На укр.яз./.

22. Новые издания по паремииографии и паремииологии// Народна творчість та етнографія. - 1989. - №5. - С. 68-71. - /На укр.яз./.

23. Новое издание пословиц М.Номиса// Народна творчість та етнографія. - 1990. - №1. - С. 67-70. - /На укр.яз./.

24. Выдающийся памятник /о публикации пословиц М.Номиса/. - Киев, 1991. - №3. - С. 133-135. - /На укр.яз./.

261924

АВ 25.356

~~42~~

Подписано в печать 24.06.91 Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 1,86 Уч.изд.л. 2,0
Тираж 100 Заказ 407 1991 г. Бесплатно.

Полиграф. уч. к. Ин-та истории Украины АН УССР
Киев 1. Кирова. 4

~~42~~